

Глава 1

— Воля Государственной Думы для каждого из ее членов — закон! Памятуя это... — Головин поправил очки, посмотрел в зал, — Я без колебаний принимаю на себя обязанности Председателя Думы. Велика честь, оказанная мне вами, господа. Велика моя признательность вам. Сделаю все, чтобы оправдать оказанное мне вами доверие.

Я тоже взглянул в зал. С балкона Таврического дворца были хорошо видны напряженные, торжественные лица депутатов. 518 человек как один слушали Головина. Судя по газетам, во вторую Думу попали 169 крестьян, 32 рабочих, 20 священников. Земства представляли 25 служащих. Аристократию — 57 землевладельцев-дворян. Ну и по мелочи — 3 офицера, 19 журналистов, аж 33 юриста и адвоката. Промышленников и торговых людей было совсем мало — 26 человек. Зато в Думу избралось изрядно ученых и преподавателей — целых 38 депутатов. Очень пестрый состав. И наглядный пример басни Крылова «Лебедь, Рак и Щука».

— Несмотря на различие мнений, нас разделяющих, — продолжал вещать Головин, — нас объ-

единяет единая цель — осуществление на почве конституционной работы блага страны.

Теперь я посмотрел в окно. Там звенела капель, пели птички. В Питер пришла ранняя весна, сугробы начали оседать, заскрипел лед на Неве. Хотелось на улицу, дышать морским воздухом, лепить из мокрого снега фигуры баб и снеговиков. А не слушать вот это все.

— ...стремясь к беспристрастному ведению прений и к охране свободы слова, я почту своим долгом неустанно заботиться о поддержании достоинства Думы. Мы все хорошо знаем, с каким нетерпением ожидает наша страна от Государственной Думы облегчения своих тяжелых страданий.

И ведь Головин вовсе неплох. Умный, знает законы, международную практику... А сгинет плохо. Дотянет при Советах до тридцать седьмого — в самый разгар репрессий его арестуют в очередной раз, но на сей раз уже не отпустят, а расстреляют и похоронят в братской могиле на Бутовском полигоне. Ужасная участь для человека и ужасная участь для страны. Но раз уж неведомыми путями я тут, в прошлом, то можно сыграть и получше?

— Прямой путь к осуществлению этой трудной задачи намечен первой Государственной Думою. Он остается таким и в настоящее время. Проведения в жизнь конституционных начал, возвещенных Манифестом семнадцатого октября, и осуществление социального законодательства — таковы две великие задачи, поставленные

на очередь первой Государственной Думою. Могучее народное представительство!

Головин перешел к лозунгам.

— Раз вызванное к жизни, оно не умрет!

Капитан ткнул меня локтем, прошептал:

— А это там новая фаворитка царицы? Там — на противоположном балконе.

Я присмотрелся. Да, в черной вуалетке сидела очаровательная Анечка Танеева. Я помахал ей рукой, на меня зашикали.

Фрейлина заметила мои телодвижения, кивнула.

— Хороша! В самом соку. — Столыников облизнулся.

— Не про твою честь, Никодим... — хмыкнул я — Ей прочат гвардейских офицеров в мужья. А ты, кстати, женат!

— В единении с монархом народное представительство неудержимо проявит... — Головин подходил к финалу своей речи. В ход пошли отмашки рукой, грозно насупленные брови.

Наконец новый председатель закончил свою речь, зал взорвался аплодисментами. Зашипели магниевые вспышки фотоаппаратов газетчиков. Головин объявил заседание закрытым и сошел с трибуны пожимать руки. Первым его поздравлял в министерской ложе Столыпин.

— Ну что, по домам? — капитан с сожалением бросил взгляд на Танееву.

Мы встали, задвигались стулья в ложе. К нам начала протискиваться знакомая фигура. Ба! Да это Булгаков. Собственной персоной.

— Григорий Ефимович, мое почтение! Господин Стольников, как вам речь Головина?

Я пожал руку философу, нацепил свои «инфернальные» очки.

— Может, в ресторан?.. — капитан кивнул в сторону выхода. — Отметить, так сказать, выборы спикера, да и вообще...

— Никаких кабаков, Никодим, — отмел я предложение Стольникова. — У нас работа только начинается. Пойдемте вниз.

Мы спустились к портику дворца, встали в «засаду».

— Кого ждем? — поинтересовался Булгаков.

— Столыпина, — коротко ответил я, быстро пролистывая бумаги в папке. Все было на месте, осталось только дожидаться выхода премьера. Его авто уже стояло у подъезда.

К нам присоединился главред «Слова» с фотографом. Адир вытирал лицо платком — вспышка засыпала его щеки магнием.

— Пустая говорильня, — пожаловался Перцов. — Мы, конечно, комплиментарно дадим в передовице, но...

— Не надо! — оборвал его я. — Топите вторую Думу. В каждой статье.

— Это почему же? — Главред аж открыл рот.

Капитан с Булгаковым наострили уши. Даже Адир перестал вытираться.

— Долго не проживет... — коротко ответил я. — Будет третья.

— Это вам... — замаялся Перцов. — Свыше было дадено?

Ответить я не успел, показалась свита премьеры с ним во главе.

— За мной! — я устремился к Столыпину, раскрывая папку: — Петр Аркадьевич! Отец ты наш!

— Распутин... — премьер сморщился, но затормозил. Вокруг начал толпиться народ, появились жандармы.

— Неужели нельзя приватно?

Но я уже раскрывал папку.

— Нижайше прошу рассмотреть прошение об амнистии! — громко начал я, вытаскивая документы.

— Кого амнистировать собираешься? — усмехнулся Столыпин, оглядываясь.

Театр абсурда нарастал.

— В такой торжественный день вся Россия ждет от властей вести о послаблениях, о согласии и единении в обществе.

— Говори конкретнее. Я спешу!

— Наша партия, «Небесная Россия», всеподданнейше просит дать амнистию по Выборгскому воззванию.

Народ вокруг пооткрывал рты. Бомба так бомба. Все прошлое лето власть судила депутатов Первой Думы, которые после роспуска призывали к гражданскому неповиновению. Осудила. Дала по три месяца тюрьмы и лишила гражданских прав. В том числе права быть избранным в новую Думу.

— Да в себе ли ты, Григорий?! — осерчал Столыпин.

— Как есть в себе, батюшка. И вот, погляди... — я подсунул премьеру бумагу с подписью Николая на нашем воззвании. В правом углу было невнятно начертано: «Рассмотреть».

— Его императорское величество тако ж за согласие и помилование.

Сколько это «согласие» мне нервов стоило... Не сказать и пером описать. Три вечера подряд «гипнотизировал» царицу, втирал ей про христианское всепрощение. Втер. А она уже потом царю.

Вокруг нас ахнули люди, Перцов застрочил в блокноте. Вот ему будет сенсация, которая перебьет речь Головина. Да, вот так создается «повесточка» в обществе.

— А почему тут?! На ступенях?! — Столыпин пошел пятнами. Сейчас рванет.

— Чтобы не замылили в кабинетах... — ляпнул я.

Амнистия мне нужна была вот для чего. Партия зарегистрирована, есть массовое членство в виде иоаннитов, которых я всех поголовно загнал в «небесники», а заодно избирателями в местных куриях. Но нет «веса». Булгаков, Вернадский — вот и все, кто из крупняка согласился вступить. Толстой думает и пописывает статейки, капитана и прочее наше руководство — никто не знает. Нам нужны были «ледоколы». Известные общественные фигуры. Из сочувствующих. Но для этого им надо было что-то дать. А что? Я придумал амнистировать депутатов Первой Думы. Муромцева, Шаховского и прочих. После

чего в качестве ответного жеста благодарности предложить избраться в Третью Думу от «небесников».

Тут одним выстрелом убивалось сразу несколько зайцев. Я отрывал лидеров мнений от трудовиков и социал-демократов. Получал в партию крупные фигуры, которые приведут за собой новых членов. Строил «защитную» стену. Пойди, разгони теперь «Небесную Россию», коли властям приспичит.

Перцов прочувствовал ситуацию, что меня сейчас пошлют, вынул блокнот:

— Для прессы, Петр Аркадьевич! Когда ожидается ответ?

— Мы в новой Думе целиком и полностью поддерживаем сию инициативу... — Булгаков тоже быстро сориентировался. — Я лично внесу резолюцию в Комитет по государственному устройству.

Народ наострил уши.

Столыпин заколебался, я кивнул на автограф царя. Это и решило дело.

— Через две недели дадим ответ. — Премьер почти выхватил у меня папку, быстрым шагом направился к автомобилю.

Капитан встретил каких-то знакомых и все-таки умотал в ресторан, Булгаков вернулся к депутатам Думы, а я в задумчивости побрел

к саням. Полость у них была поднята, я положил на нее записную книжку, вынул карандаш и вычеркнул задачу с «выборгскими». Взлетит, не взлетит — я сделал, что мог.

— ...пьет в Великий пост, скромное кушает... — с другой стороны саней беседовали Распопов с Евстолием-«приставом». Обсуждали меня.

— Еще его батюшка по питию был большой ходок... — Шурин чиркнул спичкой, потянуло табачным дымом. — Ефим Вилкин. Ямщиком был, в Саратовской губернии. Однажды так упился на станции Снежино, что даже не заметил, как выпрягли лошадей из оглобель, а почту на растопку пустили. Дело подсудное! Сел Ефим в тюрьму, а как вышел, смазал лыжи салом и отправился в Тобольск с семьей. Но жене поклялся, что в рот хмельного больше не возьмет. И первое время правда не пил. За то был выбран у нас поперву в церковные старосты, а потом и вовсе в волостные старшины.

— Вона как! — протянул Евстолий. — Так это считай жизнь удалась?

— Так бы оно так... — Шурин шумно высморкался.. — Даже к старости обещал купить кровать с шарами. Шоб сверкали! Да вот только Пелагея, жена его, преставилась внезапно. Вчерась была живее других, а днесь уже на столе лежит, обмы-вать ее готовят.

— Да... прибрал жену Господь. Поди запил Ефим?

— Еще как. Все пропилил. Даже иконы.

— Врешь!

— Вот те крест. Самое худое хозяйство в Покровском у Ефима стало.

— Из старшин поди погнали?

— Из старост тоже. Сам понимаешь, каким Гришка вырос. Пил с молодости, однажды плетень, что ограждал соседский дом от пашни, поменял на два штофа. Ну мужицким судом-то поучили его изрядно. Вот он и ушел первый раз бродить по свету.

То-то я чувствую, как меня тянет к чарке. Генетика!

— Знаешь, Коля, кто первым вошел в рай за Христом? — Пора было прекращать этот опасный рассказ, я вышел из-за саней, убрал за пазуху блокнот.

— К-кто? — Распопов закашлялся, выкинул папиросу.

«Пристав» по-военному вытянулся.

— Разбойник.

Я уселся в сани.

— Все мы, Коля, грешны. Кто-то больше, кто-то меньше. Ежели покайся и вознес святую молитву Господу — будет тебе прощение. Трогай.

Доехали быстро, так же стремительно я прошелся по общинному дому и лавке. Короткая инспекция показала, что наши дела идут в гору. В создании настольных игр уже трудилось под